

Сян Чжуншань привлёк к лечению Си Юэ лучших онкологов, специализирующихся на раке поджелудочной железы, чтобы те работали сообща с лечащим врачом. Больница, где лежал юноша, и без того считалась одной из лучших в стране, а его истощённый организм едва ли перенёс бы транспортировку. Взвесив все за и против, он отказался от идеи о переводе в другую клинику и просто пригласил светила медицины к нему в палату.

Но, изучив свежие томограммы, специалисты лишь удручённо покачали головами. Опухоль не только не уменьшилась — метастазы продолжали стремительно распространяться по организму, усугубляя и без того критическое состояние.

Лечащий врач, успевший искренне привязаться к Си Юэ за время их долгого знакомства, тяжело переживал происходящее. Прекрасно понимая, что положение безнадежно, он всё же обратился к коллегам с робкой, отчаянной надеждой.

Консилиум не принёс утешения: приглашённый эксперт лишь молча покачал головой. По его хмурому виду стало ясно: речь шла не просто о невозможности исцеления — юноше оставались считанные дни.

Врача охватила глухая тоска. Этот мягкий, скромный и невероятно мужественный парень перенёс столько несправедливости, вытерпел столько яда и злобы в свой адрес... И теперь, когда над его головой наконец разогнались тучи и забрезжило солнце, неужели всё должно оборваться именно так?

Людям в белых халатах часто приходится вступать в схватку со смертью. В этой борьбе бывают победы и поражения, и со временем к неудачам привыкаешь, начиная относиться к ним философски. Рано или поздно этот финал ждёт каждого. Но сейчас доктор испытывал удушающее бессилие. Судьба обошлась с Си Юэ слишком жестоко. Юноша безропотно сносил мучительные страдания, держался из последних сил, но суровый приговор остался неизменным. От этой несправедливости сжималось сердце.

Как бы ни было тяжело, именно ему предстояло озвучить страшный вердикт.

Во время тяжёлого разговора с Си Юэ и Тань Нунъином врач деликатно, но прямо дал понять: время на исходе. В подобные минуты перед больным и его близкими всегда встаёт мучительный выбор — согласиться на паллиативную помощь, облегчив последние дни, или цепляться за призрачную надежду, продлевая агонию изнуряющими процедурами.

Всё в этом мире — пустые хлопоты, и лишь жизнь со смертью имеют значение. Но именно на этой невидимой границе разворачивается самая отчаянная внутренняя борьба.

Тань Нунъин, казалось, давно подготовил себя к худшему. Когда Си Юэ высказался в пользу паллиативного ухода, его друг не устроил сцены и не поддался эмоциям.

Это решение означало окончательный отказ от борьбы за жизнь, и скорая разлука становилась

неизбежной реальностью.

Несколько дней назад Си Юэ сдал кровь на генетический анализ, который организовал Сян Чжуншань. Результаты ещё не пришли, но теперь они мало что меняли. На этой стадии медицина оказалась бессильна. Время упущено.

Сяо Чунь навещал его несколько раз. Этот парень, бывший для Си Юэ лишь проходным системным статистом, плакал от всей души, не скрывая слёз.

Руководство агентства давно поставило на Си Юэ крест. Напоследок дельцы попытались запустить пиар-кампанию на фоне его угасания, чтобы нажиться на трагедии и выжать из обречённого артиста последние соки. Однако этот циничный план мгновенно заблокировал сам Сян Чжуншань. Глава корпорации устроил авторам идеи жесточайший разнос.

С точки зрения бизнеса это было стандартным решением: капитал признаёт лишь чистую прибыль. Си Юэ больше не приносил дохода, и пустить его смерть в оборот, пусть и аморально, диктовалось коммерческой выгодой. Получив нагоняй от босса, менеджеры даже не поняли, за что на них обрушился гнев руководства, но предпочли молча затаиться, не смея подать голоса.

Сян Чжуншань забросил дела фирмы и практически поселился в клинике. Поначалу он даже не решался переступить порог палаты: часами стоял в коридоре, глядя на Си Юэ сквозь стекло. В конце концов Тань Нуньин, потеряв терпение от этой нелепой нерешительности, сам позвал его внутрь.

Но Сян Чжуншань понимал: эти визиты лишь рвали его собственное сердце в клочья, ведь остановить неумолимое приближение смерти они не могли.

Си Юэ угасал на глазах, превращаясь в обтянутый кожей скелет. Сян Чжуншань выглядел немногим лучше. За считанные дни он страшно похудел: лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, отчего взгляд казался бездонным и мёртвым. На щеках проступила небрежная щетина, в тёмных волосах пробились преждевременная седина. Мужчина казался полностью опустошённым.

Глядя на него, трудно было поверить, что ещё на прошлой неделе этот измождённый человек являлся блестящим молодым магнатом, чьё имя заставляло трепетать конкурентов. Прежде суровый и пугающий, он обладал невероятным магнетизмом, вызывая уважение как у друзей, так и у врагов.

Теперь же от его бывшего величия не осталось и следа — настолько сокрушительным оказался удар судьбы.

Си Юэ всё глубже погружался в беспамятство. Отказ от активного лечения избавил его от изнуряющих побочных эффектов химиотерапии, но именно поэтому его стремительное угасание теперь было слишком очевидным.

Его слабость больше не была следствием агрессивных медикаментов. Жизненные силы Си Юэ иссякли окончательно. Масло в его лампаде догорело.

Большую часть суток юноша проводил в полузабытьи, то и дело впадая в глубокий сон. Время от времени он просыпался от резкой боли — он конвульсивно содрогался от внутренних разрушений.

Сян Чжуншань почти всегда молчал. Приходя в палату, он просто садился у постели и тихо оберегал покой засыпающего Си Юэ. Тань Нунъин больше не гнал его. Очевидно, поведение мужчины растопило лёд в его душе: такое отчаяние, замешанное на жгучем раскаянии и поздней любви, сыграть невозможно.

Тань Нунъин продолжал изо дня в день негромко беседовать с другом. Он рассказывал о новостях из внешнего мира, переменах в агентстве и о том, как преданные поклонники борются за его имя в Сети.

Однажды фанаты смонтировали для Си Юэ трогательный ролик со словами поддержки. Каждый выражал любовь как умел: виртуозы видеомонтажа наложили невероятные визуальные эффекты, а талантливые художники нарисовали памятный арт-бук. Посмотрев видео до конца, Си Юэ растрогался и сделал репост на свою страницу со словами благодарности. Счастливчики, чьи работы он отметил, были на седьмом небе от восторга.

Пока Тань Нунъин говорил, Сян Чжуншань сидел рядом безмолвным изваянием. С тех пор как надежда на спасение рухнула, он окончательно пал духом. Пожираемый глухой ненавистью к самому себе, мужчина мог лишь заворожённо наблюдать за угасанием Си Юэ, захлёбываясь собственным бессилием.

Судьба нанесла удар в тот самый миг, когда он наконец осознал свои чувства. Это было изопрённой пыткой.

Сань-Сань, поражённый переменами в поведении Сян Чжуншаня, не удержался от шпильки:

[Этот объект флирта словно страдает раздвоением личности.]

Глядя на мучения мужчины, Си Юэ вопреки обыкновению не стал отшучиваться. Сердце предательски сжалось.

"Что с ними будет после моей смерти?" — мысленно спросил он.

Сань-Сань ответил:

[Между мирами предусмотрен интервал отдыха. В это время текущая реальность продолжит функционировать по заданным алгоритмам, чтобы дописать финалы для оставшихся неигровых

персонажей. Как только передышка завершится, искусственный интеллект объекта миссии переместится вместе с тобой в следующий мир. Остальные же действующие лица — не более чем строчки программного кода. После закрытия сценария они перестанут существовать.]

Си Юэ промолчал. После его ухода эти люди проживут отпущенный им срок в мире, где его никогда больше не будет. И даже если внезапно вспыхнувшие чувства Сян Чжуншаня были лишь багом системы, чувство вины за содеянное наверняка останется с ним до конца дней.

Со временем Си Юэ начал изредка заговаривать со своим молчаливым стражем. В те редкие часы, когда они оставались наедине, а разум юноши ненадолго прояснялся, между ними завязывалась тихая беседа.

Однако стоило Си Юэ поднять глаза, как Сян Чжуншань поспешно отводил взгляд, не смея смотреть ему в глаза. Поначалу это озадачивало юношу, но вскоре он, кажется, нашёл разгадку.

Слегка улыбнувшись, Си Юэ негромко спросил:

— Я, должно быть, выгляжу ужасно? Пугаю тебя? Всё в порядке, не переживай. Мне сейчас гораздо лучше. Тебе вовсе не обязательно приходить сюда каждый день, у тебя ведь полно забот в компании.

Он полагал, что мужчина дежурит у его постели исключительно из чувства долга и раскаяния, пытаясь таким образом искупить вину за прошлое равнодушие.

Но Си Юэ ни в чём его не винил. Спасение из-под змеиных зубов было его личным выбором, не повлёкшим за собой тяжёлых последствий — яд вывели почти сразу. Да и укусы рептилия самого Сян Чжуншаня, тот наверняка отделался бы лёгким испугом при его возможностях.

Что же касается отказа в проведении генетической экспертизы... В конечном счёте, Сян Чжуншань не был обязан отвечать за чужую жизнь. Да, он оказался в долгу после спасения, но этот долг вовсе не обязывал его идти на поводу у каждого встречного.

Си Юэ прекрасно понимал это и не держал зла. Все их прежние размолвки и недопонимания укладывались в простую истину: насильно мил не будешь.

Услышав первые слова Си Юэ, Сян Чжуншань резко вскинул голову. Он порывался что-то объяснить, но, дослушав до конца, почувствовал, как к горлу подкатывает глухая ярость.

"Всё в порядке?!" — мысленно взвыл он. Терпеть круглосуточную изнуряющую слабость, когда во всём теле не осталось ни единого живого места, засыпать лишь под действием сильных анальгетиков и просыпаться от нечеловеческих спазмов... Си Юэ угасал на глазах, преодолевая адские муки, и смел называть этот кошмар "хорошим состоянием"?

Но следом за яростью пришло отрезвление — словно ушат ледяной воды вылили на голову. Гнев испарился, уступив место щемящей пустоте. Си Юэ наверняка ненавидел его. Просто его мягкий характер не позволял сказать это вслух, и он деликатно, обиняками, пытался выставить его вон. Ведь так?

Неужели он настолько ему противен, что Си Юэ не желает видеть его даже в свои последние дни?

Сян Чжуншань стиснул зубы, подавляя рвущийся наружу стон, и сделал вид, будто ничего не понял. Он остался стоять на месте. Если у него отнимут даже это последнее право — безмолвно находиться рядом, — его жизнь окончательно потеряет смысл.

Си Юэ, заметив его помрачневшее лицо, лишь утвердился в своей догадке: гость тяготится этим бдением, но не уходит, подхлестываемый укорами совести.

Спустя несколько дней наступил срок, очерченный врачами как роковой предел. Си Юэ слабел с каждым часом; даже неспециалисту было ясно, что его хрупкая связь с миром живых держится на волоске.

Тань Нунъин таял от горя вместе с другом. Проходя однажды в коридоре мимо Сян Чжуншаня, он не выдержал и бросил ему в лицо горькие слова:

— Радуйся. Скоро ты избавишься от него навсегда.

Сян Чжуншань оцепенел. Ему в спину долетел тихий, полный яда шёпот уходящего Тань Нунъина:

— Ты пожалеешь об этом. Но будет поздно. Ты даже представить не можешь, кого потерял.

И хотя неизбежность финала понимали все, развязка всё равно застала их врасплох.

В то утро Си Юэ внезапно почувствовал себя лучше. Он долго и оживлённо разговаривал с Тань Нунъином, улыбался и совсем не выказывал сонной слабости. Сначала друг обрадовался этому чуду, но затем страшная догадка обдала его ледяным холодом. Тань Нунъин задрожал.

Сян Чжуншаня в тот день задержали неотложные дела в офисе. Тань Нунъин дрожащими пальцами набрал его номер.

Присутствующие на совете директоров замерли, наблюдая, как их вечно невозмутимый босс, ответив на звонок, внезапно изменился в лице. Сян Чжуншань смертельно побледнел, его

пальцы задрожали, едва удерживая трубку. Не договорив, он бросил короткое, бессвязное распоряжение, вскочил со своего места и пулей вылетел из конференц-зала.

Тем временем Си Юэ, сжав руку Тань Нуньина, торопливо шептал ему свои последние распоряжения. Родных у него не осталось, поэтому он умолял друга принять всё его скромное имущество в благодарность за заботу и теплоту.

Глотая слёзы, Тань Нуньин лишь кивал в ответ. Си Юэ просил друга беречь себя, а Сян Чжуншаню передать, чтобы тот не мучил себя напрасным раскаянием. Каждому отпущен свой срок, и у каждого своя судьба.

Тань Нуньин беззвучно плакал, не в силах вымолвить ни слова, и лишь крепко сжимал его холодеющие пальцы. Си Юэ устремил взор в потолок. Впервые за долгое время его взгляд прояснился, в нём вспыхнул живой, тёплый блеск. Он тихо вздохнул и прошептал:

— Как бы мне сейчас хотелось съесть чашку риса, залитого горячим зелёным чаем...

Заметив ободряющий кивок дежурного врача, Тань Нуньин сорвался с места.

— Потерпи, я сейчас принесу! — крикнул он на ходу.

В дверях он едва не сбил с ног влетевшего в палату запыхавшегося Сян Чжуншаня, который выглядел бледным как смерть.

Увидев вошедшего, Си Юэ слабо, но искренне улыбнулся.

— Ты пришёл... — выдохнул он.

Сян Чжуншань похолодел от ужаса. Простояв в оцепенении несколько секунд, он бросился к постели Си Юэ и склонился над ним, ловя каждое слово.

Но искра жизни в глазах Си Юэ уже угасала. Силы покидали его. Словно завершив всё, что держало его на этом свете, он на мгновение замер, а затем медленно, преодолевая слабость, накрыл своей ладонью дрожащую руку мужчины.

Он беззвучно произнёс последние слова. Сян Чжуншань сумел прочесть их по губам.

— Жди... меня.